DOI: 10.31857/S032103910017870-0

АМФИТЕЙ В «АХАРНЯНАХ» АРИСТОФАНА

Б. М. Никольский

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия;
Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия*

E-mail: borisnikolsky@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0266-421X

В статье разобрана сценка из пролога «Ахарнян» Аристофана, в которой участвует персонаж Амфитей. Существующие представления об этом персонаже (как о шарже на реального современника Аристофана или же как о важном участнике действия, действительно стремящемся к заключению мира) оказываются неубедительными. Предложена новая интерпретация, объясняющая сцену как сатиру на обыкновение обманом, под видом участия в посольствах, добывать деньги.

Ключевые слова: Аристофан, «Ахарняне», комедия, Амфитей

AMPHITHEOS IN ARISTOPHANES' *ACHARNIANS*

Boris M. Nikolsky

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia;
A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

E-mail: borisnikolsky@gmail.com

Acknowledgements: Russian Federation Government grant, project no. 075-15-2021-571

Данные об авторе. Борис Михайлович Никольский – доктор филологических наук, заведующий отделом античной литературы ИМЛИ РАН, ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Правительства Российской Федерации (соглашение № 075-15-2021-571 от 3 июня 2021 г. «Цифровые комментарии к античным текстам: древнегреческая комедия», срок реализации 2021–2023 гг.).

The article deals with a scene from the prologue of Aristophanes' *Acharnians*, where a character named Amphitheos appears. The current views on this character, either as a parody on a certain contemporary of Aristophanes or as an important participant of the play's action, striving for peace, prove to be unconvincing. A new interpretation of the character's comic role is proposed, which explains the scene as a satire on a practice of getting money by fraud, namely, by alleged participation in embassies.

Keywords: Athens, Aristophanes, *Acharnians*, comedy, Amphitheos

В прологе «Ахарнян» Аристофана есть несколько небольших комических сценок, одна из которых посвящена персонажу по имени Амфитей. Этот персонаж прибегает на народное собрание с опозданием (45), вызывается выступить, когда глашатай приглашает выступить желающих (Κη. τίς ἀγορεύειν βούλεται; / Αμ. ἐγώ, 45–46), и затем вступает с глашатаем в диалог (46–55):

Κη. τίς ὄν;

Αμ. Ἀμφίθεος.

Κη. οὐκ ἄνθρωπος;

Αμ. οὐ,

ἀλλ' ἀθάνατος. ὁ γὰρ Ἀμφίθεος Δῆμητρος ἦν
καὶ Τριπτολέμου· τούτου δὲ Κελεὸς γίνεται·
γαμεῖ δὲ Κελεὸς Φαιναρέτην τήθην ἐμὴν,
ἐξ ἧς Λυκῖνος ἐγένετ'· ἐκ τούτου δ' ἐγώ.
ἀθάνατός εἰμ'· ἐμοὶ δ' ἐπέτρεψαν οἱ θεοὶ
σπονδάς ποιῆσαι πρὸς Λακεδαιμονίους μόνω.
ἀλλ' ἀθάνατος ὢν, ἄνδρες, ἐφόδι' οὐκ ἔχω·
οὐ γὰρ διδόασιν οἱ πρυτάνεις.

Κη. οἱ τοξόται.

Αμ. ὦ Τριπτόλεμε καὶ Κελεέ, περιόψεσθέ με;

(Глашатай) Ты кто?

(Амфитей) Амфитей.

(Глашатай) Не человек?

(Амфитей) Нет,

Я бессмертный. Тот Амфитей был сыном Деметры

И Триптолема. От него рождается Келей.

И Келей женится на Фенарете, моей бабке,

От которой родился Ликин, а от него я.

Я бессмертный, и мне одному поручили боги

Устроить мир со спартамцами.

Но хотя я бессмертный, господа, у меня нет дорожных денег:

Не дают пританы.

(Глашатай) Лучники!

(Амфитей) Триптолем и Келей, вы позволите, чтобы так со мной!

Лучники, т.е. полиция, лишают Амфитея слова, уводя с ораторского места, что вызывает возмущение главного героя комедии Дикеополя, мечтающего о скорейшем заключении мира (56–58):

ἄνδρες πρυτάνεις, ἀδικεῖτε τὴν ἐκκλησίαν
τὸν ἄνδρ' ἀπάγοντες, ὅστις ἡμῖν ἤθελε
σπονδάς ποιῆσαι καὶ κρεμάσαι τὰς ἀσπίδας.

Господа пританы, вы причиняете вред собранию,

Уводя этого человека – ведь он собирался

Устроить для вас мир и повесить щиты.

Позже Дикеополь именно Амфитея отправит к спартанцам, чтобы заключить свой собственный, частный мир (129–133).

Эта сценка остается непонятой. У ученых нет единого мнения о том, в чем состоит драматическая и комическая роль Амфитея и в чем здесь заключается шутка. Существующие интерпретации строятся на двух основных предположениях, изначально совсем разных и даже взаимоисключающих, но теперь порой одновременно принимаемых одними и теми же учеными.

1. Согласно первому предположению, целью сценки было вывести в комедии Амфитея, который будто бы являлся реальным историческим лицом. Логика комментаторов такова. Они полагают, что длинный генеалогический рассказ Амфитея не движет действие, и делают из этого вывод о том, что смыслом появления персонажа могла быть только аллюзия на какого-либо современника; ср. замечание Олсона: «Ни повторяемые заявления персонажа о его мнимом бессмертии (47, 51, 53), ни подробности элевсинской генеалогии, которые должны подтверждать его претензии (47–50), никак не движут вперед действие комедии. Потому кажется ясным, что этот пассаж введен только ради аллюзии на реального современника»¹.

Усилия комментаторов, принимающих эту точку зрения, обращены на то, чтобы выяснить, какого именно современника здесь имеет в виду Аристофан. Старые комментаторы, Ренни и ван Леувен², принимали гипотезу, предложенную Мюллером-Штрюбингом³, и считали, что под Амфитеем Аристофан подразумевал ученика Сократа Гермогена — участника диалога Платона «Кратил», сына Гиппоника из Алопеки и брата Каллия.

Для такого отождествления они находили следующие основания. Во-первых, Ксенофонт в «Греческой истории» VI. 3. 6 приводит речь брата Гермогена Каллия, обращенную к спартанцам, где Каллий рассказывает об особенном расположении к Спарте всего их рода, члены которого из поколения в поколение были проксенами спартанцев; упоминает Каллий и о своем неоднократном участии в мирных переговорах со Спартой. Здесь же, в этой речи Каллий называет Триптолема «нашим предком». Объясняя, почему афинянам и спартанцам не стоит воевать друг с другом, Каллий говорит: *δίκαιον μὲν οὖν ἦν μηδὲ ὄπλα ἐπιφέρειν ἀλλήλοισι ἡμᾶς, ἐπεὶ λέγεται μὲν Τριπτόλεμος ὁ ἡμέτερος πρόγονος τὰ Διμήτρος καὶ Κόρης ἄρρητα ἱερὰ πρῶτοις ξένοις δεῖξαι Ἡρακλεῖ τε τῷ ὑμετέρῳ ἀρχηγέτῃ καὶ Διοσκούροισιν τοῖν ὑμετέροισιν πολιταῖν, καὶ τοῦ Διμήτρος δὲ καρποῦ εἰς πρῶτην τὴν Πελοπόννησον σπέρμα δωρήσασθαι. πῶς οὖν δίκαιον ἦ ὑμᾶς, παρ' ὧν ἐλάβετε σπέρματα, τὸν τούτων ποτὲ καρπὸν ἐλθεῖν δηώσοντας, ἡμᾶς τε, οἷς ἐδώκαμεν, μὴ οὐχὶ βούλεσθαι ὡς πλείστην τούτοις ἀφθονίαν τροφῆς γενέσθαι;* — «Было бы справедливее всего, если бы мы вовсе не подымали оружия друг против друга, так как, по сказанию, наш предок Триптолем открыл сокровенные дары Деметры и Керы из всех иностранцев прежде всего вашему родоначальнику Гераклу и вашим согражданам Диоскурам, а семья злака Деметры прежде всего было подарено Пелопоннесу. Так разве же справедливо было, что вы пришли

¹ Olson 2002, 83, ad 46.

² Rennie 1909; van Leeuwen 1901.

³ Müller-Strübing 1873, 697–699.

уничтожать посевы тех, у кого вы получили семена, и что мы не желаем, чтобы вы имели в изобилии тот плод, который мы вам когда-то дали?» (пер. С.Я. Лурье). По мнению сторонников отождествления Амфитея с Гермогеном, Каллий говорит здесь о Триптоleme как предке их рода. В подтверждение своей гипотезы эти комментаторы приводят несколько аргументов. Во-первых, оба имени одинаково указывают на божественное происхождение — как имя Амфитея («имеющий богов в качестве предков с двух сторон»), так и имя Гермогена («рожденный от Гермеса»). Во-вторых, в «Пире» Ксенофонта (4. 48) Гермоген рассказывает о своих близких отношениях с богами: боги всегда опекают его и посылают ему различные знаки, указывая, что ему стоит и чего не стоит делать. В-третьих, по свидетельству Платона («Кратил» 384с) и Ксенофонта («Воспоминания о Сократе» 2. 10), Гермоген находился в стесненных финансовых обстоятельствах, что вроде бы соответствует замечанию Амфитея ἐφόδι' οὐκ ἔχω. В-четвертых, имена бабушки и отца Амфитея указывают на Гермогена как на ученика Сократа: Λυκῖνος должно вызывать ассоциацию с Ликеем, гимнасием, в котором учил Сократ, а Φαιναρέτη — имя матери Сократа.

Вся эта научная конструкция не выдерживает критики. В основе ее, собственно говоря, лежат два предположения: о том, что род Гермогена, как и Амфитея, восходит к Триптолему, и о том, что имена смертных предков Амфитея связывают его с учителем Гермогена Сократом. Оба эти предположения неверны. Уже Старки в своем комментарии⁴ справедливо заметил, что в пассаже из «Греческой истории» Ксенофонта Каллий, называя Триптолема «нашим предком», имеет в виду прародителя не только своей семьи, но вообще всех афинян — точно так же, как и Геракл упомянут здесь как родоначальник всех спартанцев. Весьма сомнительной кажется и ассоциация Ликина и Фенареты с Сократом и его матерью. Эти имена были очень распространены в Аттике. Имя Фенареты встречается в надписях в Афинах (в предположительно афинской надписи 5 в. *IG II² 12846*; в 4 в. в надписи *IG II² 1524, 211, 334/3* гг.), в Афидне (3 в., *IG II² 5771*), в Галах (*IG II² 5469*, ок. 360 г.), в Рамнунте (IV в., *SEG XXVI 302, 11*), см. *LGPV II, s.v.* Имя Λυκῖνος даже в одних Афинах упоминается многократно (в V в. у Антифонта 5. 53, 60, 62, на вазе 420—400 гг. *ARV² p. 1556*, в надписи *IG I³ 1190, 1*, ок. 411 г.; в IV в. у Эсхина 2. 14, 3. 26, 348/7 гг., и в надписи *IG II² 1580, 9*), и мы находим множество примеров и в других районах Аттики (см. *LGPV II, s.v.*). Эти два имени должны были восприниматься публикой как обычные афинские имена, не вызывающие никаких особенных ассоциаций; тем более странно находить в одном из них намек даже не на определенного носителя имени, а на название места. Таким образом, стоит отказаться от желания увидеть в последних строчках отсылку к Сократу. Наконец, Гермоген не был столь популярной фигурой, чтобы публика могла понять такие тонкие намеки на него; не вполне понятна и причина, по которой Аристофан должен был намекать на Гермогена таким косвенным образом, прибегая к другому имени — к способу, который совсем не свойствен комедиографу⁵.

⁴ Starkie 1909, *ad loc.*

⁵ См. возражения против отождествления Амфитея с Гермогеном в статье Méautis 1932, 241—242.

Большинство современных комментаторов⁶ придерживаются иной гипотезы о личности Амфитея. Они предполагают, что Аристофан изобразил здесь реального человека по имени Амфитей, по-видимому, происходившего из того же дема, что и Аристофан, и потому хорошо ему знакомого. Эта идея основана на одной надписи, которая давно была известна ученым, но которую прежде никак не связывали с текстом Аристофана. Это надпись рубежа V–IV вв. на аттическом культовом столе (*IG II² 2343*), содержащая список из шестнадцати имен. Здесь перечислены участники культа Геракла вместе со жрецом. С. Дау в 1969 г. обратил внимание на то, что эти имена могут иметь некоторое отношение к Аристофану⁷. Первым в списке стоит имя жреца Симона с указанием его дема Кидафиней – того же дема, из которого происходит Аристофан. Второе имя, Филонида, совпадает с именем комического поэта Филонида из Кидафиней, который поставил комедии Аристофана «Облака» и «Лягушки». Еще два имени, Амфитей и Антитей, встречаются в комедиях Аристофана (Амфитей в нашем месте, Антитей в «Женщинах на празднике Фесмофорий» 898), как и имя Симона («Всадники» 242). Дау предположил, что эти имена упомянуты Аристофаном не случайно. По его мнению, в образе Амфитея поэт вывел своего товарища, того самого Амфитея, который присутствует в надписи.

Эту гипотезу, разделяемую многими современными учеными, все же едва ли можно принять. Действительно, Аристофан нередко выводил на сцене реальных персонажей, однако все они – Сократ, Еврипид, Ламах – были хорошо известны всем афинянам. Сложно представить себе, чтобы поэт решил вдруг показать всем своего друга, мало кому известного Амфитея. К тому же непонятна цель, с которой он мог бы это сделать. Обычно Аристофан представляет реальных исторических лиц для того, чтобы подвергнуть их критике или посмеяться над их недостатками; это имеет смысл в том случае, если публика знает высмеиваемых людей. Но едва ли кто-нибудь мог понять шутку о незначительном частном лице. Непонятной эта шутка остается и для современных комментаторов. Уилсон признается в этом, замечая, что поэт изобразил на сцене одного из своих друзей «по какой-то причине, догадаться о которой мы уже не можем» («for some reason which we cannot now guess»).

Итак, попытки увидеть в Амфитее и Гермогена, и реального Амфитея кажутся необоснованными. Но более того, неоправданно вообще само стремление комментаторов соотнести этого персонажа с каким-либо реальным историческим лицом. Как я постараюсь показать, оно происходит от непонимания комического смысла нашего пассажа.

2. Согласно второму предположению комментаторов, Амфитей играет в комедии серьезную и важную роль. Его появление и его слова показывают всем, что заключение мира санкционировано богами. Все следующее сюжетное движение, все действия Дикеополя проистекают из этой идеи. Такая трактовка была предложена Ж. Меотисом⁸, возражавшим против желания большинства ученых увидеть в Амфитее реальное историческое лицо: по его мнению, пассаж с Амфитеем был

⁶ Olson 2002, *ad loc.*; Wilson 2007, 17; Kanavou 2011, 31–32.

⁷ Dow 1969, 234–235.

⁸ Méautis 1932, 241–244.

неотъемлемой частью сюжета, а отнюдь не странным отступлением, и потому, с его точки зрения, нет никакой необходимости искать здесь комические намеки на современников. Современным ученым (Канаву и Олсону)⁹, однако, ничто не мешает принимать сразу оба предположения: о том, что за Амфитеем стоит реальный Амфитей, и о том, что Амфитей нужен для движения комедии к миру.

Меотис и его последователи полагают, что, согласно сюжету комедии, боги действительно послали Амфитея заключить мир, его желание совершенно искренне, но пританы настроены против мира и поэтому лишают Амфитея слова. Такое отношение к Амфитею и его словам мы встречаем у целой группы современных ученых. По мнению Эдмундса¹⁰, повторяемому затем и Канаву¹¹, глашатай не принимает Амфитея всерьез, подтрунивая над его именем, но Амфитей в своей реплике доказывает правильность своего имени: у него действительно божественная генеалогия, боги взаправду посылают его для переговоров о мире; этот подлинный смысл имени увидел Дикеополь, что определило все последующее развитие сюжета. Олсон полагает, что пританы отказали Амфитею в средствах на дорожные расходы (οὐ γὰρ διδόσιν οἱ πρυτάνεις), чтобы сделать заключение мира невозможным («effectively rendering achievement of an armistice impossible»).

Интерпретация сценки как столкновения миролюбивого Амфитея и противников мира пританов хорошо сочетается со старым толкованием ее концовки, которого придерживался еще Пейли и против которого не возражают и современные комментаторы. По мнению Пейли¹², пританы в конце сценки зовут через глашатая лучников, афинский вариант полиции, поскольку они не хотят допустить обсуждения в народном собрании вопроса о мире. В подтверждение этой интерпретации Пейли ссылаясь на следующую реплику Дикеополя, протестующего против лишения Амфитея слова (56–58):

ἄνδρες πρυτάνεις, ἀδικεῖτε τὴν ἐκκλησίαν
τὸν ἄνδρ' ἀλάγοντες, ὅστις ἡμῖν ἤθελε
σπονδὰς ποιῆσαι καὶ κρεμάσαι τὰς ἀσπίδας.

Господа пританы, вы причиняете вред собранию,
Уводя того человека, который собирался
Устроить для вас мир и повесить щиты.

По мнению Пейли, относительное местоимение ὅστις имеет здесь дополнительное причинно-объяснительное значение, как бывает часто, когда это местоимение относится к определенному лицу или предмету («вы совершаете преступление против собрания, уводя этого человека, поскольку он собирался заключить для вас мир и повесить щиты»). Пейли полагает, что фраза ὅστις ἡμῖν ἤθελε σπονδὰς ποιῆσαι καὶ κρεμάσαι τὰς ἀσπίδας «поскольку он собирался заключить для вас мир и повесить щиты» указывает на причину, по которой Амфитея уведут (τὸν ἄνδρ' ἀλάγοντες).

Такая интерпретация и всего пассажа, и завершающего его призыва к лучникам едва ли может быть верной. Начнем с последнего вопроса — почему именно

⁹ Olson 2002, *ad loc.*; Kanavou 2011, 31–32.

¹⁰ Edmunds 1980, 4.

¹¹ Kanavou 2011, 30–32.

¹² Paley 1876, *ad loc.*

глашатай зовет полицию. Грамматическое толкование Пейли ответной реплики Амфитея в ст. 56–58 ошибочно. Придаточные предложения, вводимые обобщающим местоимением ὅστις и относящиеся при этом к конкретному лицу, действительно, обычно предполагают обобщение и имеют дополнительный обстоятельный оттенок, но этот оттенок совсем не обязательно причинный, он может быть и уступительным. Это уступительное значение видно, например, в пассаже из «Прометея» Эсхила: τί τὸν θεοῖς ἔχθιστον οὐ στυγεῖς θεόν, ὅστις τὸ σὸν θνητοῖσι προὔδωκεν γέρας; «Почему ты не питаешь отвращения к богу, ненавистному богам – тому, кто отдал смертным твой почетный дар?», т.е. «хотя он отдал смертным...». Тот же уступительный оттенок подходит и нашему контексту. Если же обратиться к смыслу, то едва ли намерение афинянина обсудить политический вопрос, пусть даже и не разделяемое кем-то из его сограждан или пританами, могло быть основанием для вызова полиции. Значительно более веская причина выражена в ст. 53–54 ἀλλ' ἀθάνατος ὢν, ἄνδρες, ἐφόδι' οὐκ ἔχω / οὐ γὰρ διδῶσιν οἱ πρυτάνεις «Но хотя я бессмертный, господа, у меня нет дорожных денег: / Не дают пританы», которые стоит рассмотреть внимательнее.

Прежде всего объяснения требует фраза ἐφόδι' οὐκ ἔχω. Те комментаторы, которые понимают ее как указание на бедность Амфитея и потому предполагают в ней возможный намек на небогатого Гермогена, толкуют ее неверно. Под ἐφόδια здесь понимаются не собственные средства Амфитея, будто бы скудные и недостаточные для путешествия в Спарту, а общественные средства, на которые он рассчитывает. ἐφόδια должно обозначать именно общественные деньги, даваемые послам в качестве «командировочных» или «суточных»; ср., например, Демосфен 19.311 νῦν τοῖνυν ὑμᾶς οὐκ εἰς Πελοπόννησον δεῖ πρεσβεῖαν πέμπειν, οὐδ' ὀδὸν μακρὰν βαδίσαι, οὐδ' ἐφόδι' ἀναλίσκειν «Не нужно вам теперь ни посылать посольство на Пелопоннес, ни проходить длинный путь, ни тратить деньги на дорогу». Амфитей и сам именно так объясняет необходимость обратиться с просьбой об ἐφόδια к народному собранию: он ссылается не на свою бедность, а на то, что в этих деньгах ему отказывают пританы (οὐ γὰρ διδῶσιν οἱ πρυτάνεις).

Замечание об отказе пританов тоже требует объяснения. У нас нет никаких свидетельств о том, что пританы решали вопросы о предоставлении денег послам или самостоятельно посылали посольства. Таким образом, очевидно, прав Роудс¹³, полагающий, что пританы не дают Амфитею денег, отказываясь поставить вопрос об этом перед народным собранием. Едва ли это мог быть вопрос только о деньгах: дорожные деньги необходимо причитались послам. Значит, Амфитей должен был просить отправить его в посольство, а пританы отказались включить этот вопрос в повестку народного собрания. Настоящее время глагола διδῶσιν показывает, что просьбы Амфитея были настойчивыми и пританы отказывали ему постоянно.

Мы можем заключить, что проступок Амфитея, вызвавший возмущение пританов и заставивший их через глашатая позвать на помощь лучников, заключается в нарушении регламента – в попытке обратиться со своим вопросом непосредственно к народному собранию в обход пританов и без предварительного обсуждения в совете. Такое обращение было возможно, только если речь шла о частной

¹³ Rhodes 1972, 22.

просьбе. Таким образом, Амфитей представляет свой вопрос как личную просьбу, и просьба эта касается не столько мира со Спартой, сколько денег. Реплика Амфитея построена так, что весь ее смысл заключен именно в просьбе о деньгах.

Эта просьба о деньгах и является средоточием всей шутки. Наш пассаж содержит насмешку над теми из афинян, кто стремился под предлогом участия в посольстве пожить за счет казны. Эта тема развивается и дальше. Несколькими стихами ниже афинский посол, возвратившийся из Персии, начинает свою речь словами (65–67):

ἐπέμψαθ' ἡμᾶς ὡς βασιλέα τὸν μέγαν
μισθὸν φέροντας δύο δραχμὰς τῆς ἡμέρας
ἐπ' Εὐθυμένους ἄρχοντος

Вы послали нас к великому царю
С оплатой по две драхмы в день
При архонте Эвтимене, —

в ответ на что Дикеополь восклицает: οἴμοι τῶν δραχμῶν («Ох, драхмы!»). Этот ответ Дикеополя драматически схож с ответом глашатая на слова Амфитея: они оба занимают конец стиха, и оба выражают возмущение склонностью тратить общественные деньги.

Слова Амфитея, предшествующие его просьбе о деньгах, т.е. его заявление о близости и родстве с богами, служат обоснованием этой просьбы. Выстраиваемая им генеалогия нелепа и фантастична, ее никак нельзя принимать всерьез, а оттого и просьба выглядит абсурдной и особенно наглой¹⁴.

Три мифологических персонажа, упоминаемых здесь, Деметра, Триптолем и Келей, связаны с Элевсином. Триптолем был одним из легендарных древних царей Элевсина. Обычно его считали смертным, но он получил особенные почести, в Элевсине находился посвященный ему храм (Павсаний I. 14. 1), так что, возможно, объяснение имени Амфитея, «божественного с двух сторон», происхождением от Триптолема звучало вполне убедительно. Триптолем был любимцем Деметры; с помощью богини он изобрел плуг и обучил всех греков искусству земледелия. Как мы видели в приведенном выше пассаже из «Греческой истории» Ксенофонта (VI. 3. 6), афиняне считали его прародителем всего своего народа. Миф о Келее, еще одном древнем элевсинском правителе, также связанном с Деметрой, рассказан в гомеровском гимне к Деметре. Когда Деметра странствовала в поисках похищенной Аидом Персефоны, она получила кров в доме Келея и стала ухаживать за сыном Келея Демофонтом; Деметра хотела сделать Демофонта бессмертным, закаляя его тело в огне, но мать Демофонта Метанира, не зная, что перед ней богиня, не дала ей довести ее замысел до конца. В поздних изложениях мифов о Деметре эти две традиции, о Триптоleme и о Келее, иногда соединяются. Триптолем оказывается одним из сыновей Келея, получающим дары

¹⁴ Как справедливо предположил мой анонимный рецензент, у генеалогии Амфитея может быть еще одна комическая функция: Аристофан может высмеивать здесь длинные генеалогии аристократов, возводивших свой род к героям и через них к богам. См. замечания о происхождении Андокида от Одиссея и тем самым от Гермеса у Гелланика (*FGrHist.* 323a. F 24), Алкивиада — от Еврисака и Зевса (*Plat. Alc.* 1. 121a), Платона — от Солона и Кодра (*Plut. Sol.* 1. 2).

от Деметры, после того как не удалась ее первая попытка вознаградить Келея и его семью. В «Фастах» Овидия (IV. 507–560) Триптолем выступает в качестве сына Келея вместо Демофонта. У Аполлодора (I. 5. 2) Триптолем оказывается старшим братом Демофонта; Демофонт погибает в пламени, куда он был положен Деметрой и откуда Метанира попыталась его вытащить; после этого Деметра дала старшему сыну Метаниры Триптолему колесницу, запряженную крылатыми драконами, и зерна пшеницы, чтобы он засеял всю землю. Хотя все эти примеры поздние, по мнению Пирсона, соединить Триптолема и Келея в одном сюжете мог уже Софокл в своем «Триптолеме»¹⁵.

Существовавшее с самых ранних времен разнообразие версий заставляет нас воспринимать божественную генеалогию в изложении Амфитея как хоть и не ортодоксальную, но не совсем абсурдную: слышать вместе имена Деметры, Триптолема и Келея афинянам не было удивительно. Аристофан использует здесь имена таких мифологических персонажей, которые имели особенное значение для афинской религии (в Элевсине был храм Деметры и Керы и храм Триптолема, Павсаний, I. 14. 1), были связаны между собой в сознании зрителей, и один из которых считался прародителем всех афинян. Затем Аристофан соединяет эти имена случайным образом. Но самая нелепая часть генеалогии Амфитея следует дальше. Персонажей божественных, легендарных и почитаемых в самом важном для афинян культе Амфитей соединяет с обычными и распространенными афинскими именами, с Фенаретой и Ликином. У нас не только нет нужды искать в этих именах намек на Сократа, но всякий подобный намек уничтожил бы главный их смысл. Комизм возникает из сочетания самых обычных имен, подходивших для бабушки и отца любого из афинян, с именами из легенд и культов. Ложь Амфитея, очевидная всем зрителям, звучит еще более вызывающе оттого, что божественные и легендарные предки совсем не удалены от него во времени: Келей оказывается ему не каким-нибудь древним предком, а дедушкой.

Персонаж Амфитей, как мы видим, сводится к вполне определенной комической функции. Он нужен, чтобы осмеять желание некоторых афинян поживиться за счет государственной казны. Весь пассаж с его участием ведет к просьбе о деньгах для дорожных расходов; для большей убедительности он придумывает фантастическую генеалогию, связывающую его с богами. Эта генеалогия комически сочетается и с его именем. Аристофан выбирает имя действительно существовавшее, но достаточно редкое, этимологическое значение которого («божественный с обеих сторон») не было стерто. В этом, этимологическом, смысле толкует имя Амфитея глашатай (οὐκ ἄνθρωπος;), и затем от этого значения имени отталкивается и сам Амфитей. Этот Амфитей, обычный афинянин, сын Ликина и внук Фенареты, не может быть «совершенно божественным». Потому, чтобы связать себя с богами, но при этом объяснить точное значение имени, Амфитей придумывает себе предка-тезку, которого он изображает действительно божественным и по отцу, и по матери: это Амфитей, сын Деметры и Триптолема. Наш Амфитей, как выясняется, назван по имени своего прадеда, что в общем соответствует обычному правилу давать ребенку имя его предка (чаще, правда, имя деда).

¹⁵ См. Pearson 1917, II, 242.

Итак, оба традиционных представления об Амфитее, господствующие в научной литературе, неверны. Во-первых, Амфитей не должен отсылать ни к какому реальному историческому лицу, это персонаж вымышленный. Во-вторых, не стоит видеть в Амфитее действительного сторонника мира: сценка с ним должна выявить не его пацифизм, а его жадность до общественных денег. Но в то же самое время Дикеополь воспринял слова Амфитея о мире всерьез; именно Амфитея решил он послать к спартамцам, чтобы заключить свой собственный мирный договор (129–133). Эта роль Амфитея, роль посредника в договоре о мире, как кажется, противоречит его комическому изображению, и это противоречие нуждается в объяснении.

Одна из частых ошибок комментаторов и критиков греческой комедии заключается в стремлении увидеть в персонажах Аристофана законченные характеры, подобные персонажам литературы Нового времени. Когда Аристофан создает своих героев, его интересуют не их характеры, а их комические функции — их роль в построении конкретной шутки, роль в комической ситуации и роль в сюжете. В данном случае Амфитей наделен сразу двумя функциями: во-первых, он оказывается в центре шутки, обыгрывающей стремление некоторых афинян присваивать себе общественные деньги, и во-вторых, он играет сюжетную роль, заключая мир для Дикеополя. Обе эти функции присутствуют в нашем пассаже: Амфитей просит денег, и эти деньги нужны ему для переговоров со спартамцами. Первая роль требует от автора изображать Амфитея в комических красках, как обманщика и фантазера. Вторая роль Амфитея, сюжетная, заставляет Дикеополя отнестись к его мирному плану всерьез и осуществить его. Особенность поэтики Аристофана — в том, что эти две разные функции могут существовать вместе и независимо друг от друга, не соединяясь в единый целостный характер.

Литература / References

- Dow, S. 1969: Some Athenians in Aristophanes. *American Journal of Archaeology* 73, 234–235.
 Edmunds, L. 1980: Aristophanes' Acharnians. *Yale Classical Studies* 26, 1–36.
 Kanavou, N. 2011: *Aristophanes' Comedy of Names: A Study of Speaking Names in Aristophanes*. Berlin—New York.
 Leeuwen, J. van (ed.) 1901: Aristophanes. *Acharnenses*. Leiden.
 Méautis, G. 1932: L'épisode d'Amphithéos dans les Acharniens d'Aristophane. *Revue des études anciennes* 34, 241–244.
 Müller-Strübing, H. 1873: *Aristophanes und die historische Kritik: Polemische Studien zur Geschichte von Athen im 5. Jahrhundert vor Chr.* Leipzig.
 Olson, S.D. (ed.) 2002: Aristophanes. *Acharnians*. Oxford.
 Paley, F.A. (ed.) 1876: *The Acharnians of Aristophanes*. Cambridge.
 Pearson, A.C. (ed.) 1917: *The Fragments of Sophocles*. Vol. I—III. Cambridge.
 Rennie, W. (ed.) 1909: *The Acharnians of Aristophanes*. London.
 Rhodes, P.J. 1972: *The Athenian Boule*. Oxford.
 Starkie, W.J.M. (ed.) 1909: *The Acharnians of Aristophanes*. London.
 Wilson, N. 2007: *Aristophanea. Studies on the Text of Aristophanes*. Oxford.